

Это было накануне Нового года. В Доме культуры профсоюзом, в Вильнюсе, встретились люди, которые в трудный час протянули друг другу руку помощи и дружбы.

На сцену поднялась пожилая женщина.

— До самой смерти буду благодарна артистке Петраускай, которая в годы гитлеровской оккупации спасла мою дочь, — заявила она.

На следующий день мы побывали дома у народного артиста СССР Кипраса Петраускаса.

ЗИМА 1943 года. За окном завывает ветер. Снежные вихри бьются в окна. Еще мрачнее становится ночь оккупации.

...Телефонный звонок. Трубку подняла Елена Жалинкавичайте-Петраускай, известная каунасская актриса. Она услышала приглушенный, охваченный отчаянием женский голос: женщина просила о встрече.

Встретились они в старой части Каунаса, в каком-то кривом переулке, в воротах.

— Не могли бы вы приютить мою девочку? — умоляла незнакомая женщина. — В гетто распространяются страшные слухи. Фашисты готовятся к детской акции.

Петраускай вспомнила, что совсем недавно к ним забежал охваченный ужасом солист оперы Юозас Мажейка. В какой-то день он поехал в Вильнюс и остановился у местного нотариуса. Ночью в присутствии Мажейки в квартиру ворвались фашисты, выгнали из дому семью нотариуса и расстреляли: эти люди прятали еврейскую женщину, а кто-то из соседей донес в гестапо...

Петраускай хорошо помнила эту историю.

— Принесите девочку. Буду ждать.

Прошла неделя, вторая. Очевидно, не удавалось вынести девочку из гетто. И, наконец, однажды, уже далеко за полночь, стук в дверь. Какая-то женщина и мужчина принесли завернутую в одеяло двухлетнюю спящую девочку и, почти ни слова не говоря, ушли. Девочка спала.

У Петраускай недостатка в посетителях не было. Заходили актеры, певцы. Еще начнут спрашивать: откуда ребенок? Тогда Петраускай унесла Дануте (так они называли ребенка) к своей матери.

Приближался фронт, оставаться в городе становилось все опаснее. В деревню уехала мать, а через некоторое время в автобус села и Петраускай. Не успела она устроиться и посадить Дануте на колени, как рядом уселся немецкий военный в форме.

Петраускай замерла, затала дыхание.

— Господи, чтобы только Дануте не начала говорить. Еще чего доброго заговорит по-еврейски! —

Но Дануте испытывала панический страх перед военными. Она вся съежилась и расширенными от испуга глазенками

мамой, а Аушра — сестрой. Ведь Петраускай тоже ее мама. Она спасла от фашистов, воспитывала ее, как родную дочь, растила, учила ее.

...Малый концертный зал Московской консерватории имени Чайковского полон до отказа: идет Всесоюзный смотр молодых исполнителей. На сцене — девушка в темной юбке и темном полувере. Вся ее душа — в скрипке, в чудеснейших звуках музыки Баха, Ветховена, Венявского.

Ее учитель — заслуженный артист Литовской ССР А. Ливонтас сидит рядом со всемирно известным скрипачом профессором Давидом Ойстрахом. Когда-то и Ливонтас учился в классе Ойстраха.

— Сейчас будем ждать вашу ученицу, — сдержанно произнес маэстро. — Ну что ж, пусть пренебрегает, пусть держит экзамены.

А. Ливонтас хорошо знал, что означала сдержанность Ойстраха.

ДВАЖДЫ рожденная

поглядывала на гитлеровца.

...Буря войны забросила далеко Петраускай с дочерью. Четыре года продолжались их Одиссея. Петраускай была для Дануте настоящей матерью, а Аушра Петраускай — настоящей сестрой.

Дануте не знала, что у нее есть и другая мать, что у нее есть и другой отец. Она не знала, что ее отец — скрипач Померанцас, который руководил до войны эстрадным оркестром в кафе Конрада (ныне «Тульпе»), что он был узником концентрационного лагеря Дахау. Она не знала, что ее отец вернулся в Каунас, встретился с ее матерью, которая в последние дни оккупации пряталась в доме Петраускасов. Дануте узнала об этом только в 1948 году, когда вернулась вместе со своей второй матерью в Каунас. Узнала... зарыдала. Узнала... и не могла поверить этому, не могла расстаться. Рассталась со второй матерью, с сестрой Аушраюле.

Девочку пришлось приучать. Неделю она жила у одних, неделю — у других родителей...

А сейчас у Дануте Померанца две матери. Два дома. Она часто по вечерам засиживается у Петраускасов и остается здесь ночевать. Она и сейчас Петраускай называет

Письма летят то в Вильнюс, то в Москву. Общее детство и грезы юности. Затем самостоятельные шаги в жизни. Слезы и радости. Дипломная работа Аушры Петраускай, которую она собирается защищать в Вильнюсском художественном институте, и концерт Глазунова, который Дануте Померанца исполнит в январе в Вильнюсе, уже в 1963 году.

...В ту ночь, когда в дом Петраускаса принесли завернутую в одеяло девочку, обреченная на смерть Дануте словно родилась второй раз. И, возможно, тогда где-то в небе вспыхнула звездочка. Может быть, стало светлее. Светлее потому, что еще один человек, еще одна семья, не боясь опасности, не боясь смерти, осмелилась вооруженным до зубов силам тьмы сказать: «Нет!».

Тем самым семья артистов Петраускасов отстояла не только обреченную на смерть еврейскую девочку. Она отстояла музыку Ветховена и Глазунова. Отстояла священное слово Человека!

С. ВАЙТКУНАС.

Гл. редактор
К. ШМИГЕЛЬСКИС.

журнальном издательстве. № 14, с 9 до 13 час.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: г. Вильнюс, ул. Тисос, 1, ТЕЛЕФОН — 2-16-61, ответ. секретаря — 7-74-69, русского выпуска — 2-30-49; отдела городского хозяйства и быта — 2-водники — 7-74-79; корректура — 4-53-39; отдел объявлений

Типография Газетно-журнального издательства ЦК КП Литвы

Вечерние новости
Вильнюс

31 ДЕК 1960